

ПРИМЕНЕНИЕ
НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ОХОТЕ ЧАСТО
ВСТРЕЧАЕТ
ВОЗРАЖЕНИЯ
СО СТОРОНЫ
ОХОТНИКОВ

Горизонталка – классика, практически не меняющаяся в течение последних ста лет, но тем не менее, до настоящего времени этот тип оружия активно используется. И вероятно – будет использоваться еще очень долго

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОХОТЕ

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

Новые возможности, которые предоставляет охотнику новинка, порождают опасения, что охота перестанет быть достаточно спортивной, что теперь всю дичь переберут, и конкретнее, что те, другие, у которых она есть, всё переберут, а мне не достанется. Доходит до того, что новички уже как бы боятся использовать новые технологии. Но каждая старая технология когда-то была новой, и вызывала такие же страхи. За последние два века новинок было внедрено, мягко говоря, немало. Сбылись ли страшные пророчества, осуществились ли страхи, которые вызывало каждое из них?

Не было ещё в истории охоты такой инновации, против которой никто бы не протестовал. В 1818 году, когда «детонирующие ружья Форсайта» ещё были в диковинку, некий «Английский джентльмен» со страниц «Журнала для джентльменов» призывал всех граждан, «способных мыслить и имеющих совесть», единодушно и решительно «выступить за подавление этого нововведения», которое, хотя и «предлагает некоторые вульгарные преимущества», в случае применения его к военным целям станет «угрозой разрушения не только для армий, но и для самой цивилизации». Нечто подобное говорилось практически обо всех изобретениях, внедренных в жизнь за последние несколько веков.

Главное опасение при этом – что охоты станут слишком эффективными и вся дичь будет истреблена. Однако в исторической перспективе строгой зависимости между уровнем развития охотничьих технологий и снижением численности охотничьих животных нет.

Так, слонов в Южной Африке извели под корень вполне низкотехнологичными дульнозарядными ружьями. Первые добытчики слоновой кости, например, У.Коттон Осуэлл, просто загоняли слонов верхом на лошадях и стреляли с седла почти в упор. Там, где господствовала муха цеце и лошадей было применять нельзя, такие охотники как Ф.К.Селус добывали ещё больше слонов, вооружая десяток местных жителей дешёвыми шомполками крупного калибра, и выводили в джунгли целый отряд, который, подобрившись к стаду слонов, открывал залповый и беспорядочный огонь, стараясь подранить как можно больше. Подранков потом находили и добивали. Или – не находили. «Выход» бивней на одного белого охотника был при этом не ниже, чем у добытчиков слоновой кости более позднего времени, таких как Артур Нойман или Карамоджо Белл, которые применяли магазинные винтовки под патроны с бездымным порохом.

Куда большее влияние на африканских животных оказало развитие транспорта. Самое

Фото Евгения Спиридонова и Виктора Шипанова

масштабное уничтожение дичи было вызвано не новыми ружьями и боеприпасами, а паровозом и паровозом. Они не только облегчали охотникам проникновение в нетронутые уголки континента и доставку продукции охоты к рынкам сбыта, но и привозили поселенцев. Фермеры занимали лучшие пастбища и источники воды, создавали беспокойство в местах миграций и «родильных площадках», «боролись с вредителями» и привозили новые заболевания вместе со своими породистыми коровами. Этот вид прогресса погубил в Африке больше животных, чем бездымный порох.

А в Англии, напротив, можно было наблюдать обратную закономерность – чем сильнее совершенствовались ружья и средства транспорта, тем больше становилось количество дичи. В первой половине XIX века британских охотников – даже таких образованных и интеллигентных, как полковник Питер Хокер – волновал только один вопрос: как бы набить побольше. За последним в околоте фазаном могли гоняться по трое суток и с гордостью хвастаться подробностями его добычи. Потом тот же Хокер в дневниках оплакивал оскудение угодий, обвиняя в этом браконьеров, плохую погоду в период гнездования, сборщиков яиц – кого угодно, только не собственные охотничьи подвиги. Однако стоит заметить, что дичь на островах в этот момент была выбита способом, который современные охотники считают едва ли не самым «правильным» – из-под легавой, с дувольными шомполками.

Всего через пару поколений шомпольные ружья уступили место шпилечным, затем появился патрон центрального боя, бескурковки и эжекторы – и параллельно с ними развивались баснословно изобильные загонные охоты. С тремя эжекторными дувольками и двумя егерями, заряжающими и подающими стрелку ружья, можно было достичь непревзойденной и по сей день плотности огня. Лучшие стрелки того времени – Уолсингем, Рипон, магараджа Далип Синг – стреляли птиц сотнями и тысячами. Казалось бы, тут-то птицы на острове не останутся вовсе – ан нет. Параллельно с прогрессом в области охотничьего оружия именно в этот период численность всех основных охотничьих видов на территории Британии достигла исторического максимума. И ответственность за это несет как раз усовершенствование оружия, которое позволяло добыть все больше птиц за единицу времени – и охотники той эпохи разводили нужное количество в своих угодьях при помощи неусыпной охраны и разнообразных биотехнических мероприятий.

При грамотной организации охотничьего хозяйства, когда за сезон нужно отстрелять ровно столько животных, сколько необходимо, все инновации, которые повышают эффективность охоты,

не приносят никакого вреда. Наоборот, они снижают вероятность случайного перестрела, подранков и лишнего беспокойства дичи. Так, использование прицелов ночного видения и тепловизоров открыло для охотников России и Белоруссии возможность стрелять кабанов на потравах ночью скрадом. Такая охота, с точки зрения высокоразвитых охотничьих хозяйств, предпочтительнее загонов, так как меньше беспокоит зверя, а с точки зрения охотников – намного интереснее и спортивнее, чем охота с вышки. Но без высокотехнологичных прицелов такая охота была бы просто невозможна, потому что охотнику приходилось бы стрелять наугад в первого попавшегося зверя, оставляя множество подранков.

Вторая распространенная претензия к новым технологиям – то, что они делают охоту слишком легкой, неспортивной, и приводят к деградации охотничьих навыков. Но мы уже видели, как новые технологии открывают возможности для новых, ещё более спортивных, чем старые, охот. Кроме того, «спортивность» охоты определяется её сложностью. А сложность поставленной задачи определяет удовольствие, которое человек получает, решив её. Если сложность задачи слишком низка – решать её скучно и неинтересно. Если слишком высока – задача становится опять же неинтересной: раз уж решить её невозможно, какое тут может быть удовлетворение?

Однако сложность добычи дичи зависит не только от условий охоты и снаряжения, доступного охотнику – но и от самого охотника, его опыта и уровня развития его охотничьих навыков. То, что может показаться слишком просто одному, для другого окажется невыполнимо сложным, а для третьего – в самый раз. И самое главное – то, что охотник сам может установить себе тот уровень сложности, на котором для этого конкретного охотника обеспечивается максимальное удовлетворение от решения поставленной задачи. Если технология делает охоту слишком легкой – охотник сам от неё откажется. Лучшее доказательство этого – тот интерес, который испытывают охотники по всему миру, в том числе и в России, к охоте с луком и дульнозарядными ружьями.

Мне вспоминаются две статьи в разных охотничьих журналах, которые довелось недавно прочитать. Автор одной, в которой утверждалось, что в современной горной охоте дальний выстрел практичнее долгого скрада, в конце статьи рассказывал о фотографии столетней давности, на которой изображен местный охотник, добывший двух прекрасных баранов с кремневым ружьём. Автору было сложно себе представить, как могли старые охотники бить баранов с таким несовершенным оружием. В другой статье рассказывалось, как современный охотник с луком добыл горного барана, скрав его на 20 метров – то есть намного ближе,

чем необходимо для уверенного выстрела из дульнозарядного оружия.

Здесь можно было бы посетовать на то, что инновации в виде лазерных дальномеров и прочих необходимых условий для выстрела на 700–800 метров мешают развитию охотничьих навыков – охотник-де не может подобраться к зверю на выстрел. На самом деле здесь мы наблюдаем не утрату, а узкую специализацию навыков. Один охотник, отказавшись от скрада, совершенствуется в дальней стрельбе. Второй, отказавшись от дальнего выстрела из винтовки, совершенствует навыки скрада. Оба, таким образом, усложняют себе задачу и повышают уровень удовлетворения от её выполнения. Обоим помогают высокие технологии. Оба ничем не уступят – один в технике скрада, второй как стрелок – охотникам былых времен.

Следующей претензией к высоким технологиям служит то, что они разрушают охотничьи традиции. Но те традиции, которые имеют под собой прочное основание, разрушить непросто. Так, на классических Британских загонных охотах по птице до сих пор не применяется полуавтоматическое оружие. Но дело тут не только в консерватизме, но и в том, что, когда охотнику нужно сделать по сотне и больше быстрых, сложных выстрелов подряд, баланс и посадистость дувольки оказываются важнее лишнего патрона. Да и преимущество в скорострельности, по сравнению с классической стрельбой из пары ружей с заряжающим, неочевидно. По расчетам одного из самых известных британских охотничьих авторов начала XX века Дж.Тиздейл-Бакелла, чтобы поддерживать ту же плотность огня на протяжении нескольких часов охоты, требовалось шесть полуавтоматов и пятеро заряжающих – что, мягко говоря, сложно представить себе в условиях реальной охоты.

За двести лет, прошедших со времени выступления «Английского джентльмена» было внедрено невероятное количество разнообразных нововведений – от казнозарядных ружей до лазерных дальномеров – по сравнению с которыми капсюльное воспламенение кажется детским лепетом. Однако же ни одна из этих новинок не вызвала гибели ни цивилизации, ни природы. В плане негативного воздействия на природу «охотничьи» технологии – лишь инструмент, при помощи которого оказывают влияние более важные факторы, такие как спрос на продукцию охоты, доступность угодий, мотивация охотников и владельцев угодий. К тому же новые технологии – вещь почти по определению недешёвая, и по большей части используются почти исключительно обеспеченными охотниками-энтузиастами. Именно эта группа охотников, как правило, больше всего вкладывает в защиту природы, и меньше всего – в её разрушение. «Выжженная земля» без единого зверя – как

Редкая ночная охота обходится сейчас без использования «ночников». И хотя скептики предсказывали, что уж с помощью «ночной» оптики точно всех животных истребят, ничего подобного не произошло. Напротив – количество подранков и убитых по ошибке самок резко снизилось

Даже при доступности высоких технологий не каждый делает выбор в их пользу. На фото – охотник с инновационным карабином Blaser-R93, оснащённым новейшим оптическим прицелом, а гид – со штуцером, с целиком и мушкой. Разные задачи – разные технологии

правило, результат действий браконьеров и прочих «добытчиков», а не спортсменов. Для правильно организованного охотничьего хозяйства высокие технологии – один из инструментов, которые обеспечивают его эффективность. Доступность современного оружия не сделала охоту менее спортивной и увлекательной, чем двести лет назад – как и не вызвала серьёзное падение уровня охотничьих навыков. Наши современники, сознательно применяющие «низкотехнологичные» виды оружия и способы охоты, как правило, добиваются не худших, а то и лучших результатов, чем те охотники былых времен, для которых эти же технологии были «высокими». Охотникам свойственно устанавливать самоограничения, чтобы «выставить» необходимый уровень сложности, делающий охоту достаточно интересной. Иными словами, с точки зрения истории все опасения относительно внедрения новых технологий в охоту оказываются безосновательными.